

СТЕПУН Федор Августович (1884—1965) — русский философ, культуролог, историк, писатель. Учился философии в Гейдельбергском университете у Виндельбанда (1902—1910). В 1910 защитил докторскую диссертацию по историософии В.С

.Соловьёва. Один из редакторов журнала «Логос», выходившего в России в 1910—1914. Выступал как литературный и театральный критик. Во время войны был мобилизован в армию.

После Февральской революции занялся политической и журналистской деятельностью, работал во Временном правительстве. После Октября сотрудничал в газетах правых эсеров, был призван в Красную армию. Участвовал в работе созданной Бердяевым Вольной академии духовной культуры, работал в театре. В 1922 выслан из России, обосновался в Дрездене, занимался преподаванием.

В 1937 на его преподавательскую и публицистическую деятельность был наложен запрет. С 1931 по 1939 — член редакции журнала «Новый град». Один из идеологов «новоградства» — формы христианского социализма. В 1944, в результате бомбардировки Дрездена, погибли его архив и библиотека.

С 1946 преподавал историю русской философии в Мюнхенском университете (заведовал кафедрой русской культуры). Активно включился в жизнь второй волны русской эмиграции.

Публиковался в журналах: «Новый путь», «Грани», «Мосты», «Опыты» и др. Основные работы — статьи в «Логосе»: «Трагедия творчества» (1910), «Трагедия мистического сознания» (1911) и др.; «Жизнь и творчество» (1923, заглавие по названию статьи в «Логосе»), «Основные проблемы театра» (1923), «Бывшее и несбывшееся» (т. 1—2, 1956), «Достоевский и Толстой: христианство и социальная революция» (1961), «Встречи» (1962), «Большевизм и христианское существование» (1962), «Мистическое мировоззрение» (1964) и др. С. считается представителем чистого трансцендентализма (вместе с Яковенко).

В середине 1920-х пережил серьезный духовный кризис, приведший к пересмотру взглядов на основе религиозного мировоззрения. Если в первый период творчества С. отстаивал религиозно-реалистический символизм, понимая искусство как обозначение мира невидимого, и отстаивал автономность философского знания, то теперь он стал осмысливать христианство в «духе религиозно-символического означивания глубинных судеб мира» и пришел к осуждению «философствующего христианства» и к «религиозному переживанию Бога». В основе философских построений С. — синтез неокантианства с идеями феноменологии, от которых он двигался к философии жизни и религиозному мировосприятию. В своей исходной установке С. видел задачу философии в «узрении» Абсолюта, понимаемого в традиции В.Соловьёва как положительное всеединство. «Узрение» возможно в переживании как первичной реальности душевно-духовного бытия личности. По мысли С., возможны два типа переживаний (опыта): опыты творчества, подчиненные дуализму субъект-объектного отношения (содержание переживаний в них дифференцируется), задающие полюс культуры; и опыты жизни, подчиненные идее положительного всеединства (содержание переживаний в них «свертывается», становится «непрозрачным»), задающие полюс Абсолюта.

Движение в глубины переживания (к Абсолюту) вовне проявляется в создании культурных ценностей (движение к полюсу культуры). Тем самым, по С., задается антиномизм жизни и творчества, сознания и бытия, двойственность человека: он как то, что он есть (дан как хаос), и он как идеал (задан себе как космос). Отсюда трагедийность (жертвенность) творчества как особой формы объективации, наиболее полно реализуемой в искусстве. Согласно С., творческий акт разрушает органическую целостность души, ее религиозную природу, удаляет творца от Бога, замыкая его в культуре, вырождающейся в цивилизацию, односторонне выражающую положительное всеединство.

Однако непосредственное же постижение Бога «запрещает творческий жест» — непосредственное знание Бога исключает культуру. Всю жизнь человек обречен решать эту дилемму: пытаться удержать свою целостность (единодушие) и выражать ее в многообразии ее проявлений (многодушие); осознавать себя и как факт (данность), и как задание. В зависимости от варианта решения, С. выделяет три типа души (личностей): 1) мещанскую (выбор в пользу удобства жизни как данности); 2) мистическую (выбор в пользу непосредственного слияния с

Богом); 3) артистическую (равное утверждение обоих полюсов жизни и творчества, единодушия и многодушия). Творчество создает: а) ценности состояния, организующие и упорядочивающие жизнь (личность, любовь, нация, семья) и б) предметные ценности (блага науки, научной философии, нравственности, права, искусства). В культуре привилегированное положение занимает искусство (благодаря единству содержания и

формы), в искусстве — театр (благодаря единству актера и зрителя).

Искусство символично, оно выражает идею не однозначно, а многосмысленно. Постигая символику, художник в художественных образах «выкликает» и «высветляет» заложенные в ней идеи, «возвращая» конкретность мира Богу. Человеку нужны не «точки зрения», а «видение мира», объемлющее мир в целостности («сочувствующее видение»).

Видение, с точки зрения С., дает христианство как духовный опыт веры, любви и свободы. Особое место в творчестве С. занимает осмысление событий 1917 и последующих лет. Он склонен считать большевизм «почвенным» и первичным, а не случайным и «наносным» явлением русской культуры. Большевики, по С., являются одновременно «ставленниками народной стихии» и «имитаторами народной правды». При всем своем лично негативном отношении к революции, С. считает, что революции (и иные крупные потрясения), разрушая национальное сознание, обнажают невидимые основания культуры. Катастрофические эпохи прерывают иллюзорное бытие, порождают «религиозный дух» катастрофического искусства, задают импульсы движению к Абсолюту.

В.Л. Абушенко